

Мартин Лихтмесц

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО «РАСИЗМ»

Понятие, употребление которого становится все более пустым и надуманным, – это понятие «расизм».

В общественном агрессивном-компрометирующем дискурсе это понятие служит преимущественно как патрон, наполненный черными чернилами клеветы, и делает всякий рациональный аргумент излишним – очернить кого-то достаточно для того, чтобы вывести противника из строя.

Так как оно обозначает просто светский смертный грех, понятие «расизм» превосходно подходит как слово-заклинание, как табу, как волшебное и стигматизирующее, клеймящее слово. Оно подразумевает этический изъян, нарушение восприятия, злое намерение, и должно дискредитировать того, на кого его наклеивают, сделать его не вызывающим доверия, подозрительным. Чтобы увеличить и расширить его воздействие устрашения и запугивания, определение этого понятия необходимо поддерживать в состоянии неопределенности, размытости и гибкости.

Большинству тех, которые используют понятие «расизм» как оружие, вероятно, не хватает способности к рефлексии, чтобы заглянуть за эту понятийную оболочку. Это понятие – религия, идеология, свидетельство морали, и поэтому не должно быть непротиворечивым в самом себе. Оно воздействует на ясное, аналитическое мышление, во всяком случае, как криптонит или что-то вроде вируса иммунодефицита.

Йоханнес Шнайдер, редактор «Цайт онлайн», изучал «творческую письменную речь» (*creative writing*, написание художественных и публицистических текстов) и журналистику в области культуры и принадлежит, вероятно, к последней категории. Он уже сыт по горло дифференцированным обращением с [АдГ](#) и ее избирателями, что создает для него сначала несколько теоретических проблем:

В начале всех размышлений о вещах стоит дифференциация – человека и окружающей среды, духа и души, СДПГ и ХДС. Без различий существует только тождество. Боже упаси!

Тут размышление в принципе «пошло не туда» уже в первом предложении. Без различия не существует тождества. Без тождества не существует различия. Не бывает тождества самого по себе; тождество – это всегда тождество чего-то, что предполагает, что это «что-то» отличается от других вещей.

«Теоретически» достойное уважения «стремление к семантической ясности», как видите, это трудное дело, но как раз для этих случаев придумали такие слова-лозунги, как понятие «расизм». У Шнайдера для этого есть под рукой максимальное определение:

Понятие, от неупотребления которого в этом контексте нужно срочно предостеречь, это понятие расизма. Потому что, если, естественно, не все политики и избиратели АдГ являются нацистами (забавный факт: Некоторые для этого также просто слишком крайние экономические либералы): Расизм уже давно существовал там, где систематически ставится под сомнение равенство людей.

Вместе с тем какая-либо семантическая ясность потонула в густом клейстере понятий. Ибо с равенством дело обстоит точно так же, как с тождеством и различием: равенство как относительное понятие обязательно предполагает неравенство, равенство всегда может быть только равенством определенного уровня, который сравнивается с другими уровнями.

Постулировать абстрактное «равенство людей», не означает ничего другого, как отказаться от какой-либо дифференциации. По собственной логике Шнайдера тогда в отношении «людей», будь то индивидуумы или коллективы, существовало бы «только тождество», что он как раз считает плохой идеей, от которой пусть сохранит его Бог.

Практическое применение шнайдеровского понятия расизма приводит тогда также к забавным вещам, таким, например:

Там, где от людей не немецкого происхождения требуют в неявной, а также в явной форме благодарности и особенной сдержанности в поведении, господствует расизм.

Это суждение приблизительно на уровне Араса Бахо (у которого, вероятно, в роли «литературных негров» выступают подобные авторы с таким же творческим образованием).

В то время как это еще можно записать на счет инфантилизма, следующие примеры Шнайдера впечатляюще показывают воздействие мыслительного криптонита, который, очевидно, делает неспособным правильно передавать аргументы другого человека или даже только понимать постановку проблемы:

Где членов какой-нибудь как-либо коннотированной как ненемецкая религиозная община порочат как приверженцев тоталитарной идеологии, там в основе этого лежит расизм.

«Как-либо» ненемецкий – это ведь ни в коем случае не ислам, во всяком случае, для меня это новость, что аргумент «ненемецкого» играет какую-либо роль в пределах широкого поля «критики ислама».

Где другие культурные особенности людей никогда не описываются как часть решения, а лишь как часть проблемы, с которой можно справиться только ассимиляцией, там расизм определяет мышление.

Это показательный пример данного метода: Кто видит проблемы, которые не видит или не хочет видеть господин Шнайдер, и кто не считает его решения убедительными, у того должен, пожалуй, быть какой-то этический изъян, тот должен страдать от нарушений восприятия или иметь злые намерения. Тут, очевидно, мышление определяет странная догматика, если не чистый страх: перед дифференциациями, перед семантической ясностью, в конечном счете, перед реальностью.

С похожей смесью из клейстера понятий, страха и собственной интуиции Шнайдер «читает» текст Гётца Кубичека (*«Инклюзивное триггерное предупреждение для леволиберальных снежинок»*):

Здесь та почва, на которой может взойти семя таких фашистских революционеров как Гётц Кубичек. Кстати, фашистский революционер: У кого сильные нервы (и кто не поддался вере в то, что каждое цитирование делает «противника» сильнее), прочтите, пожалуйста, с каким бесстыдным холодом Кубичек в последнее время писал о том, как средства демократии теперь, после обоих выборов в ландтаг в Восточной Германии, лучше всего можно направить против ее цели. И задумайтесь потом, сколько демократического уважения заслуживают все те, которые с испугом не отшатнулись от такого достаточно известного человека в тылу окрепшего «крыла» АдГ.

Но что же должно быть этой «целью» демократии, скажите, пожалуйста? Эта цель остается такой же туманной, как и понятие расизма у Шнайдера. Фактом представляется следующее: Здесь кто-то чувствует себя находящимся под угрозой, здесь кто-то боится, здесь кто-то чувствует себя зажатым в углу, здесь кто-то страстно желает объявить других врагами.

После «расизма», «фашистский» и «демократии» появляется следующее догматическое резиновое понятие:

Но также, как с теми, кто отрицает изменения климата, нельзя прощупать возможность компромисса, так не делают это и с человеконенавистниками. Эти слова могут быть только актом солидарности с теми, которые чувствуют себя оказавшимися под угрозой со стороны этих человеконенавистников.

«Человеконенавистники»! Здесь действительно все дифференциации были утоплены в теплом болоте семантики. Однако Шнайдер в следующих абзацах взвивается ввысь к некоторым познаниям, которые нельзя назвать неконструктивными:

Однако, вероятно, было бы продуктивнее ввести в этом месте совсем другую категорию, которая с такой же уверенностью неприятно поразит левых, как она может вызвать, возможно, абстрактное минимальное, хоть чуть-чуть, понимание у правых: Речь идет здесь именно также о чем-то вроде любви к родине, о том, чтобы, очень эгоистично, защищать свой собственный маленький мир происхождения и жизни от разрушительных сил.

Не только «минимально, хоть чуть-чуть», это точно то, что, по существу, движет нами, правыми, и, вероятно, Шнайдер может найти здесь через это выращенное им самим зеркальное отражение какой-то полуэмпатический доступ к пониманию, не разбрасываясь при этом глупостями вроде «человеконенавистничества».

Этот абзац я могу в его сути понять и с ним согласиться:

В Дрездене можно бояться ситуации в Нойкёльне (без того, чтобы когда-нибудь пребывать там долго), но и в Нойкёльне вполне можно испугаться ситуации в Дрездене. Заклинаемая Йоргом Мойтеном «светлая Германия» все равно, пожалуй, светла, прежде всего, в том отношении, в котором она белая – и она также должна оставаться такой, пожалуйста.

Различие только в том, что Нойкёльну едва ли когда-нибудь будет угрожать опасность того, что ситуация в нем станет такой, как в Дрездене – это невозможно уже только по демографическим причинам. (И была ли бы PEGIDA действительно так же плоха в Нойкёльне, как господство ливанского мафиозного клана Мири в дрезденском Нойштадте?) Но что касается Дрездена, то импорт туда ситуации из Нойкёльна был бы вполне возможен.

Я также не вижу проблему в том, если «светлая Германия» хочет оставаться самой собой, т.е. (фактически) «белой» и соответствующим образом голосует на выборах (причем я вряд ли поверю, что «быть белым» у большинства избирателей стоит на первом плане их сознания) – уже скорее, если определенные человеколюбия с избытком приличного тепла любой ценой хотят изменить ее демографический состав и даже считают эту форму расовой политики «целью демократии».

Шнайдер хоть и нечетко, но видит, что в пост-национальной Германии в результате длящейся десятки лет иммиграции сформировались несовместимые жизненные миры, у которых есть все меньше общего, но он путает причину и действие, когда пишет:

Когда расизм достаточно долго получает дифференцированное понимание того, что он терпит людей заведомо другого происхождения только с большими оговорками и никогда не принимает их как равноценных граждан, то эти люди отворачиваются и образуют со своей стороны тоталитарные (и расистские) структуры. И если они уже и без того сохраняют тоталитарные (и расистские)

шаблоны мышления, то это последнее, что может помочь, тоталитаризм (и расизм) от другой стороны.

В основе этого лежит, с одной стороны, неспособность или недостаточное желание к дифференциации – например, различие своего и чужого, различие таких понятий, как Я и Ты, Вы и Мы, различие и тождество, в особенности, слепота по отношению к – являющемуся сутью демократии – праву на собственное, на самоопределение и самосохранение, что также гарантирует суверенитет о том, с кем человек хочет разделить это свое собственное (и на каких условиях), и с кем нет. (Между прочим, существует еще одно такое подброшенное, неопределенное, сильное слово: «тоталитаризм»).

И, само собой разумеется, гость, иммигрант, беженец, получивший гражданство или претендент на участие в жизни полиса и *Res Publica*, который хочет пользоваться этим самым собственным другого, имеет по отношению к данному собственнику обязательства и долг, от которого нельзя так просто отмахнуться, сославшись на абстрактное «равенство людей». Это расплывчатое, асоциальное мышление, которое обходит стороной такие понятия как гражданство или государственный народ, без которых не мыслима ни одна настоящая демократия, как будто бы также при этом речь идет о «дискриминирующих» или «расистских» категориях.

Кроме того, в основе этого абзаца лежит обычное среди левых магическое мышление, согласно которому иммигранты – это невинные существа, которые не знают «расизма» и не приносят его, которые не воспринимали бы инаковость (инобытие) и другое происхождение автохтонов, или безоговорочно терпели бы и признавали бы их подобными себе, если бы только эти автохтоны не были бы такими недружелюбными, нетерпимыми и предубежденными в своей собственной человеконенавистнической, расистской, обусловленной происхождением идентичности.

Когнитивная путаница Шнайдера достигает для меня апогея в этой странной фразе:

Этот дом [в местах, в которых чувство дома без миграции и ее социальных последствий уже больше нельзя представить] находится под острой угрозой. Кто читает [роман «Покорность»](#) француза Мишеля Уэльбека не подобно АдГ как антимусульманский памфлет, а как дистопическую панораму, тот догадывается, как может протекать его разрушение.

Гм, да. Я сторонник АдГ и читаю «Покорность» как «дистопическую панораму» (как это задумывал и сам автор). И в действительности роман дает мне предчувствие того, как может протекать разрушение моего дома.

Читать его как просто «антимусульманский памфлет», это указывает лишь на поверхностное чтение и не имеет ничего общего с АдГ самой по себе; но, все

же, в остальном он дает, пожалуй, много пищи для воображения тем, кто считает свой домашний очаг оказавшимся под угрозой в результате миграции и ее социальных последствий (как распространение ислама и выбор по этническим мотивам). «Дистопия» романа состоит ведь как раз в установлении *исламского*, мягко-тоталитарного общества на французской земле, которую вообще покинули все добрые духи собственного (и, если эту книгу можно вообще назвать «памфлетом», тогда она, как и все романы Уэльбека, скорее «антилиберальный памфлет», в котором ислам хитро показан как возможность решения или освобождения).

Шнайдер характеризует Запад как «Германию, которая – при всех проблемах с плохо организованной миграцией – понимает себя как положительный нарратив», и он разочарован тем, что этот нарратив не по вкусу большим частям Востока. Но он не может увидеть и признать в этом неприятии западногерманской мультикультурной модели просто другой, альтернативный, такой же законный нарратив. Восток *не прав*. Он – отсталая территория, которую нужно цивилизовать, «демократизировать», и заселить небелыми людьми.

Шнайдер, которому надоели дифференциации, мыслит, в конечном счете, в категориях добра и зла: здесь хорошая (законная), западная, «лево-зеленая гегемония дискурса», там злая (незаконная), восточная, (предположительно) «право-коричневая гегемония дискурса», которая, мол, основывается на «лжи». Таким образом «восточники» АдГ станут, в конечном счете, сами оклеветанной как «расисты» группой неравных, теми людьми, по отношению к которым даже филантропам позволено вести себя враждебно (какое облегчение! – наверняка подумают некоторые из них).

Но что же делать, чтобы внушить восточным немцам «лево-зеленую» модель? Моральный шантаж! Давить на эмоции, играть на чувствах!

Возможно, отчаянно в последний раз, следует обратиться к эмпатии, к испытанной на собственном опыте небезопасности среди чужих и неуверенности расистов, будь то даже только отдельный фанат футбольной команды, играющей в другом городе, перед футбольным матчем. Вероятно, нужно напомнить им о неприятном опыте или, по меньшей мере, о неприятном чувстве, которое сопровождало это. И затем скромно указать на следующее: Те, кого расисты клеймят как других, испытывают это чувство каждый день.

Но этот подход полностью оставляет без внимания то, что этот «расизм» – не улица с односторонним движением. Сегодня бесчисленные немцы чувствуют себя меньшинством в собственной стране, в собственном городском квартале, на улицах, в метро и в школах, их клеймят и дискриминируют как «других», они становятся жертвами социальной напряженности, конкурентной борьбы и насилия со стороны иммигрантов, которое, по сведениям БКА, Федерального ведомства уголовной полиции, возрастает.

(Исходя из этого, возникает вопрос, почему люди вообще в массовом порядке хотят иммигрировать в Германию, если это якобы настолько ужасно расистская страна, в которой иностранец или иммигрант получает травматический опыт каждый день. Нередко возникает впечатление, будто бы на этом месте причитают и жалуются на наивысшем уровне).

Может ли это вызвать у какого-нибудь левого, «вероятно, абстрактное минимальное понимание», или же их солидарность с ближними находит здесь свои границы? Понять, что речь здесь идет о реальном опыте, о реальной потере, о реальной угрозе? Об «иерархии жертв» очень охотно заботятся и поддерживают ее редакторы «Цайт» и подобные товарищи по классу и селективные «человеколюбы», и редко можно услышать хотя бы слово сочувствия к ставшим к этому времени бесчисленными жертвам насилия со стороны иммигрантов и иностранцев, вплоть до убийств, изнасилований и терроризма, и еще меньше можно услышать требования сделать соответствующие выводы.

Мультикультурное общество приготовило вовсе не одним только иммигрантам «неприятные опыты» или вызвало в них «неприятные чувства»; не только они люди без корней, иностранцы, чужаки в чужой (здесь: ставшей чужой) стране.

Также на Западе (где замена населения местами зашла уже далеко вперед) многие немцы отнюдь не живут только в «положительных нарративах», но они смиренные, осознающие свое бессилие, напуганные, заглушенные, оторванные от своих корней, уступающие в численности люди, с ослабленным иммунитетом, дезориентированные, социально запуганные, конформистские, с когнитивным диссонансом, с расколотым сознанием («думать как левые, жить как правые»), засунувшие голову в песок, если они вообще не страдают от чего-то вроде стокгольмского синдрома. (Тут появляются Шнайдеры и говорят: «Так и что? Если бы они не были расистами, они были бы так же счастливы, как я, эмпатичный друг всего человечества! Они должны были бы только больше волноваться из-за расистов на Востоке».)

Кто теперь возразит, что все же много восточных немцев голосуют за АдГ в тех местностях, в которых доля иммигрантов и иностранцев еще невелика, тот не осознает, что также на Востоке уже накопили значительный отрицательный опыт насилия со стороны иммигрантов (Хемниц) и засилья иностранцев, что «лево-зеленая гегемония дискурса» присутствует на «официальном» Востоке и является там определяющим фактором не меньше, чем на Западе (даже если она и просачивается там не так глубоко), что также восточные немцы умеют видеть несколько дальше собственного носа и мыслить самостоятельно, могут читать газеты и новости, и поэтому хотя и свободно принимают решения о том, хотят ли они принять западную модель или нет.

Все абстрактные заклинания абстрактного «равенства людей» и все крокодиловы слезы, клеймящие понятия, объявления других людей врагами, моральный шантаж ничего не изменят в этом. Никого нельзя принудить к тому, чтобы он увидел решения там, где очевидность проблем одолевает его.

Журналистов вроде господина Шнайдера я могу только призвать снять шоры и выбросить, наконец, защищающие резиновые понятия, восстановить «семантическую ясность». Не только иммигранты и западные леволибералы заслуживают «эмпатию» и солидарность; не только у них есть свои хорошие причины и законные интересы.

Перевод с немецкого, 2019 г. На русском языке публикуется впервые!

Источник: <https://sezession.de/61573/das-zauberwort-rassismus>

Библиотека Велесова Слобода, 2020 г.